

Базанов М.А.

**Послереволюционный социум глазами провинциального чекиста:
на основе информационных сводок Челябинской губЧК (1920-1922 гг.)**

Информационные сводки органов ЧК (ГПУ) сравнительно недавно – в 1990-е гг. – стали доступны для работы исследователей. Эти документы очень быстро привлекли к себе внимание историков, оценивших их широкий информационный потенциал¹. Большой информационный охват, обилие приводимых фактографических сведений, свободно проговариваемые «больные» темы, критический настрой по отношению к работникам советского аппарата, принадлежность к числу закрытой делопроизводственной документации – все это порождало у исследователей представление о некой «объективности» и беспристрастности этих источников. Однако любой источник, будучи порождением рук человеческих, всегда отражает в себе мировоззрение создателя, представления об окружающей действительности и набор ценностных ориентиров автора.

Важной частью общей картины мировоззрения любого человека является его представления об обществе, в котором он живет, основных социальных группах, на которые это общество делится, свойственных им моделях поведения. Именно под таким углом зрения автор данной статьи и предлагает рассмотреть информационные сводки Челябинской губЧК (с февраля 1922 г. губернский отдел ГПУ) за 1920 – начало 1922 гг. Временные рамки в данном случае определяются как сохранностью документов (за 1919 г. есть лишь отдельные сводки и их фрагменты), так и особенностями внутривнутриполитического и экономического развития страны и региона (начало 1922 г. – время окончательного законодательного оформления НЭПа, завершения прокатившегося по Южному Уралу голода и одновременно спад крестьянских волнений).

Существенно упрощают поставленную задачу две характеристики рассматриваемых источников. Во-первых, сам формат двухнедельной сводки предполагал характеристику политических настроений не всей массы населения в целом, но отдельных его категорий, в качестве которых выделялись: крестьянство (сельское население), рабочие, духовенство и

¹ См., напр.: Берелович А., Данилов В.. Документы ВЧК-ОГПУ-НКВД о советской деревне // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939 гг. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 7-23; Борисова Л., Виноградов В., Ивицкий А., Кондрашин В. Информационные материалы ВЧК-ОГПУ за 1918-1922 гг. как исторический источник // Там же. С. 23-53; Кондрашин В.В. К итогам российско-французского проекта «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 3. С. 26-31.

служащие (советские работники). Во-вторых, они содержат в себе массу оценочных суждений, зачастую явно превалирующих над приводимыми фактическими сведениями (а иногда, как это будет показано ниже, даже противоречащих им). Отдельные фразы, обороты речи, употребляемые при этом, постоянно переходят из одной сводки в другую, по сути превращаясь при этом в относительно устойчивый шаблон, посредством которого характеризовалась ситуация в губернии.

Весь рассматриваемый нами хронологический отрезок времени политические настроения крестьянства оценивались как «неудовлетворительные», а отношение к советской власти в качестве «несочувственного» и даже «враждебного». Однако – и это чрезвычайно любопытно подчеркнуть – сотрудники ЧК явно нехотя отмечали случаи активных (вооруженных) выступлений, предпочитая говорить о том, что крестьяне «глухо ропщут на советскую власть»². Фиксировалось распространение «контрреволюционных» слухов, случаи публичного выражения недовольства политикой новой власти, сопротивление при сдаче продразверстки (продналога), иногда – случаи разграбления продуктовых лавок, но за эти пределы, согласно сводкам Челябинской губЧК, протест выходит крайне редко. Однако насколько возможно доверять подобному выводу?

На самом деле сводки губЧК полны сообщений об активных формах низового крестьянского протеста, однако они либо помещались в рамки отдельной графы «Восстания», таким образом искусственно отсекаясь от общей характеристики политических настроений крестьянства, либо квалифицировались в качестве проявлений бандитизма и действий отрядов дезертиров. Приведем примеры.

В сводке за первую половину января 1921 г. можно прочесть следующее: «Настроение [сельского] населения довольно тревожное. Недовольство... дошло до опасных пределов и грозит перейти в открытое возмущение. Последнее подтверждается полученными сообщениями о начавшемся восстании крестьян в Курганском и Куртамышском уездах...»³. Речь в данном случае идет о захватившем часть Челябинской губернии Западно-Сибирском восстании. Далее вновь приводится привычная картина недовольства крестьян ходом продразверстки (попытки укрыть хлеб, публичное выражение недовольства). После этого следует оговорка: «Пока

² Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-77 «Челябинский губернский комитет РКП(б)». Оп. 1. Д. 127. Л. 51.

³ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 344. Л. 24.

крестьяне еще надеются на советскую власть, ждут от нее помощи»⁴. Сведения о восстании, потребовавшем ведения реальных боевых действий, отрываются от общей характеристики настроений крестьянства⁵ и подаются как некий частный случай, на основе которого еще рано делать обобщающие выводы. Не менее симптоматичны и следующие слова из заключения той же сводки: «Волнение крестьян, которое вылилось в Курганском уезде в форму открытого восстания, произошло не только благодаря нашей разверстке, ... но является результатом колоссального заговора, имевшего место вне пределов нашей губернии»⁶. Таким образом, вина за открытое восстание перекладывалась на плечи неких сторонних сил, находящихся вне юрисдикции челябинских чекистов.

Более «продуктивной» представляется техника «криминализации» низового протеста, его отнесения к числу проявлений бандитизма и деятельности «отрядов дезертиров». Действительно, гражданская война породила массу криминальных элементов и лиц, уклоняющихся от несения службы, отрицать это не имеет смысла, однако зачастую в сводках губЧК можно найти массу оговорок, замечаний, свидетельствующих о том, что речь в них идет о действиях полноценных партизанских отрядов. Так, в сводке за первую половину августа 1920 г. рассказывается, как отряд «дезертиров» захватил поселок Еланский Верхнеуральского уезда, где вечером того же дня под их руководством был проведен митинг, после которого «девять человек из числа местных жителей тут же поступили добровольцами в отряд дезертиров»⁷. Понятно, что весь порядок действий отряда, равно как и прием в свои ряды новых членов (заметим – на тот момент на военной службе не состоявших) не может быть объяснен деятельностью простых «дезертиров». Не менее забавно выглядит и упоминание о таком «симбиозе» - отряде «дезертиров и мобилизованных кулаков»⁸, едва не поднявших восстание в Кустанайском уезде. Характерно, что перечисляя руководителей этого отряда, чекисты называют 10 человек, из которых 7 человек ими отнесены к категории «мобилизованных кулаков» и лишь 3 – к собственно «дезертирам». Еще более неуместно и странно выглядят приводимые в сводках копии воззваний, прокламаций и листовок, содержащих требования политического характера, которые составляли «бандиты» и «дезертиры»⁹.

⁴ Там же.

⁵ Детально описание боевых действий в Курганском уезде помещено в той же сводке, но отдельно, под разделом «Восстания», см.: Там же. Л. 25-25об.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 31.

⁹ См, напр., листовки так называемой «Голубой армии»: Там же. Л. 23-24.

Конечно же, самыми главными противниками, открытыми врагами советской власти именовались кулаки, зажиточная прослойка крестьянства. Именно они участвуют в действиях «бандитов», укрывают «дезертиров», а главное – ведут активную агитацию среди своих односельчан, призывая их саботировать выполнение продразверстки (продналога) и гужевой повинности. При этом сотрудников губЧК, составляющих сводки, совершенно не удивляет тот факт, что бедняки неизменно поддаются на их уговоры и фактически никогда не проявляют самостоятельности в своих действиях. Так, в сводке за вторую половину декабря 1920 г. можно прочесть следующее: «...кулачье довольно хорошо освоилось с новым методом борьбы против советской власти. Кулаки... теперь стараются при всех волнениях быть в стороне, не принимать активного участия. Вся роль кулаков сводится только к подготовке путем агитации, а подчас и провокации, беднейших слоев населения, преимущественно красноармеек, к выступлению против разверстки»¹⁰. Выступление против советской власти со стороны сельского населения априори расценивается в качестве кулацкого, возможность иной его социальной характеристики отмечается начисто – даже в случае полного отсутствия среди выступающих лиц, по формальным критериям относящихся к зажиточному крестьянству. Для того, чтобы выйти из создавшегося интеллектуального затруднения сотрудники губЧК фактически вынуждены признать наличие крепких социальных связей внутри крестьянской общины – иначе ничем нельзя объяснить то влияние, которое «кулаки» оказывают на своих односельчан.

В одной из сводок можно увидеть даже попытку объяснить отсутствие лояльности крестьянства указанием на некоторые его региональные особенности: «Недовольство же продовольственной политикой объясняется зажиточностью и самодеятельностью большинства крестьян, которых нельзя сравнить с крестьянами центральных губерний»¹¹. Остается неясным, что конкретно имели в виду чекисты, но скорее всего, речь шла о слабом распространении на территории Челябинской губернии крепостнической системы. Впрочем, упоминаемые ими «центральные губернии» вскоре сами будут охвачены волной крестьянских волнений, ничуть не менее масштабных, чем на Южном Урале.

Поворот в настроениях крестьянства, согласно сводкам губЧК, начинается со второй половины 1921 г. и связан он был с введением НЭПа и одновременно разразившимся в то время голодом. Так, в сводке за вторую половину октября 1921 г. отмечались призывы отнять хлеб у кулаков и

¹⁰ Там же. Л. 79.

¹¹ Там же. Л 22.

разделить его между голодающими¹². Еще более подорвало доверие к зажиточной части (согласно сведениям губЧК) разрешение свободной торговли: голодные болезненно воспринимали факты продажи «излишков» хлеба, которые их более обеспеченные соседи якобы «припрятали» во время сбора продналога. В сводке за февраль – апрель 1922 можно уже прочесть о «приподнятом, оживленном настроении» крестьян, которые «напрягают все усилия к полному засеву полей». Кулаки по-прежнему ведут свою агитацию, но «в настоящий момент не имеют успеха», так как «крестьяне хотят только одного – произвести засев и только»¹³. Отмечалось и изменение отношения к «бандитам» - реквизиции ими продуктов у населения обрекало последних на голодную смерть, а участие в повстанческом движении отрывало от ведения сельскохозяйственных работ, что тоже грозило гибелью от голода.

Не меньший интерес представляет описание политических настроений в среде рабочих. Так, в сводке за первую половину июля 1920 г. можно прочесть: «В Челябинской губернии рабочие в целом настроены революционно...». В качестве доказательства подобного настроения чекисты приводят факт «добровольного увеличения рабочего дня во многих предприятиях»¹⁴. Вряд ли стоит объяснять, насколько на самом деле подобные действия были «добровольными». Однако вслед за этим пассажем следуют сведения о недостатках в организации снабжения рабочих продуктами и одеждой, признается наличие в их среде «групп», высказывающих недовольство своим материальным положением, сообщается об отказе рабочих Миасского напильного завода от выхода на работу в субботу. Таким образом, факты, приводимые в сводке, прямо противоречат основному выводу ее составителя.

Впрочем, это противоречие очень скоро нивелировалось. В первой половине ноября 1920 г. сообщалось: «Среди рабочих масс чувствуется какая-то апатия, безразличие отношение ко всему окружающему, к власти»¹⁵. В дальнейшем определения «апатия» и «безразличие» будут постоянно воспроизводиться из отчета в отчет. При этом фактически везде отмечаются случаи выражения рабочими своего недовольства, проявляющегося как в многочисленных «контрреволюционных» высказываниях, падении производственной дисциплины, а с нею и производительности труда, просто хулиганских выходках, многочисленных угрозах забастовок. «Все то, что не имеет отношение к желудку, не интересует рабочих»¹⁶ - сетовали сотрудники

¹² ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 321. Л. 36.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 504. Л. 105об.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 63.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 344. Л. 70об.

губЧК. Снабжение же постоянно давало сбои, ощущалась нехватка продовольствия и обуви. В итоге в сводке за первую половину января 1921 г. делался следующий «социологический» вывод: «Вообще рабочие Челябинской губернии – элемент отсталый и неорганизованный»¹⁷. Вновь, как в случае с крестьянами, звучат отсылки к региональной специфике – отмечается наличия слоя «полупролетариата», «т.е. тех рабочих, которые имеют какую[-либо] собственность (коров, огород, посевы). Их «касаются разверстки (например, молочная», тем самым затрагиваются личные, житейские интересы, вызывая у последних нарекания на власть и партию»¹⁸. Сами того не зная, челябинские чекисты предвосхитили построения представителей «нового направления» о горнозаводской системе и ее особенностях¹⁹. Впрочем, между подобными бытовыми наблюдениями и научной концепцией, конечно же, пролегает громадная интеллектуальная пропасть.

Однако сколь бы ни были язвительны характеристики рабочих в сводках, никогда фиксируемый в них протест не принимает формы политического противостояния. Как специально оговаривалось в информационных бюллетенях, их недовольство «в большинстве случаев лишено политической окраски», а «в несвоевременной выдаче продовольствия большинство рабочих винит администрацию учреждений и “спецов”, а не советскую власть как систему»²⁰. В рамках советских идеологем рабочие мыслились в качестве основной социальной опоры нового режима, и отрицать это в рамках официальной документации было невозможно.

Начиная с ноября 1921 г. сводки говорят о наметившемся переломе, связанном с улучшением снабжения рабочих: «Настроение рабочих... в зависимости от снабжения видоизменяется. За отчетный период никаких брожений не замечено, все спокойно»²¹. С этого момента политические настроения рабочих маркируются как «удовлетворительные». Свои нюансы вносит НЭП, приведшая к волне сокращений и породившая большое число безработных. Однако и их недовольство не выходит за границы простых бытовых жалоб²².

Как это уже упоминалось, под особым наблюдением губЧК находились такие группы, как священнослужители и советские служащие. Первые

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 2об.

¹⁹ См. напр.: Адамов В.В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967.

²⁰ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 35.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 321. Л. 82.

²² См, напр.: ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 504. Л. 39, 105об-106.

стабильно получали характеристики апатичной и аморфной группы, чье отношение к советской власти колеблется от ее притяжения до отторжения, на какие-либо открытые действия не решающуюся. В сводках изредка отмечались единичные случаи как их выступлений против советской власти, так и признания и сотрудничества. В общем и целом какой-либо динамики в сводках губЧК при этом не прослеживается. Даже начало изъятия церковных ценностей не приводит к каким-либо существенным подвижкам («настроение духовенства Челябинской губернии в связи с изъятием церковных ценностей пассивное. ... Открытой агитации и препятствий к изъятию ценностей со стороны духовенства не было»²³).

Парадоксально, но схожие черты приписываются и служащим советским учреждениям. Аполитичные, а потому лишенные идейной заинтересованности в исполняемом ими деле, недовольные своей заработной платой, «засоренные» ненадежными старыми специалистами и даже бывшими сотрудниками белогвардейских учреждений, они работают медленно, тратят рабочее время на распитие чая и личные разговоры, коррумпированы, грубят в обращении с простыми гражданами. Характеристика резко сменяется в начале 1922 г. С введением НЭПа проходит волна сокращений управленческого аппарата, которая, с точки зрения сотрудников ГПУ, унесла с собой «менее работоспособный», «более саботажный элемент», оставшиеся «если работаю не за совесть, то работают за страх», а ожидаемые новые сокращения приводят к тому, что «работа оживилась и оживляется еще более»²⁴.

В целом общество, описываемое в сводках губЧК, выглядит отчужденным и враждебным власти. Поражает тот факт, что ни одна из описываемых чекистами социальных групп не может в полной мере считаться опорой новой советской системы. В лучшем случае население относится к власти с апатией и безразличием, в худшем – оказывает сопротивление. Даже рабочие, защитой интересов которых («диктатура пролетариата») пытается легитимизировать свои действия советская власть, более задумываются о своем «желудке», чем о революции. Возникает определенный разрыв между собственно эмпирическими наблюдениями сотрудников губЧК за окружающей их действительностью и официальными идеологемами. Главной особенностью сводок становится постоянное балансирование между реально наблюдаемым положением вещей и его идеальным идеологическим образом, стремление непременно заполнить, ликвидировать этот образовавшийся разрыв. Пожалуй, наиболее ярко это

²³ Там же. Л. 106об.

²⁴ Там же. Л. 39.

проявляется в попытках апелляции к неким региональным особенностям устройства общества, отсылкам к состоянию дел в «центральных губерниях», где, по всей видимости, существуют «правильный» пролетариат и крестьянство.

Это стремление нивелировать противоречие между фактами и идеологическими представлениями о действительности заметно и в изображении проявлений низовых протестов против новой власти. Не отрицая наличия таковых, чекисты пытаются лишить их политической окраски, списать на действия криминальных элементов либо свести к простому бытовому недовольству. Сотрудникам губЧК было важно показать, что они, с одной стороны, справляются с возложенными на них обязанностями, предотвращая все возможные политические угрозы, с другой стороны, продемонстрировать наличие недовольных, для противодействия которым и была необходима их организация. Изображение работников советского аппарата управления в качестве безвольных и внутренне враждебных новой власти, на наш взгляд, также во многом было призвано подчеркнуть необходимость усиления контролирующих функций ЧК. Увы, детальное знакомство с документами органов ЧК показывает, что они не менее, чем все прочие, были подвержены таким порокам, как коррупция, воровство, алкоголизм.

НЭП в изображении сотрудников губЧК выглядит временем выхода из кризиса. Однако при этом характерно, что большая часть присущих ему мер воспринималась ими в качестве инструмента разобщения и подавления возможного противника. Так, по мнению чекистов, в деревне разрешение свободной торговли и переход к продналогу противопоставил беднейшую часть крестьянства и кулаков с «бандитами», служащих заставила интенсифицировать свои действия именно волна сокращений и страх потерять свое рабочее место. Пожалуй, лишь лояльность рабочих мыслилась как результат экономических послаблений и улучшения материально-бытового благополучия. Окончательно сломленные и запуганные люди стали в глазах работников ЧК идеальными советскими гражданами.